

ИВАН
СКОБЕЛЕВ

ПОДАРОК
ТОВАРИЩАМ,
ИЛИ ПЕРЕПИСКА РУССКИХ
СОЛДАТ В 1812 ГОДУ, ИЗДАННАЯ
РУССКИМ ИНВАЛИДОМ ИВАНОМ
СКОБЕЛЕВЫМ

RUGRAM

Москва
2025

УДК 355/359
ББК 68.4
С44

Скобелев И. Н.

С44 Подарок товарищам, или Переписка русских солдат в 1812 году, изданная русским инвалидом Иваном Скобелевым / И. Н. Скобелев. — М. : RUGRAM, 2025. — 124 с.

ISBN 978-5-517-13431-8

«К слезам, любезный товарищ! Плачь, Кремнев, если можешь! А у меня и на глазах и под глазами совершенная засуха; я выплакал все мои слезы и хотел бы выплакать всю кровь до последней капли, если злобный рок не судил пролить за святое дело!»

«В начале сражения полковника ранили в бок навывлет... «Вперед!» — закричал наш батюшка. «Мерзавец, кто будет глядеть на мои раны; смотри на неприятеля и не делай промаху!»

«Я видел слезы ваши, слышал ропот на судьбу и знаю пламенное желание храбрых товарищей умереть за каждый шаг родной русской земли», — сказал он нам. — И вот место, на котором весь свет увидит разительный пример священной любви и непоколебимой приверженности русского воинства к Богу, Государю и Отечеству!»

УДК 355/359
ББК 68.4
ВІС FC
ВІSAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13431-8

© RUGRAM, оформление, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ПИСЬМО I.....	12
ПИСЬМО II.....	16
ПИСЬМО III.....	19
ПИСЬМО IV	22
ПИСЬМО V.....	25
ПИСЬМО VI.....	28
ПИСЬМО VII.....	31
ПИСЬМО VIII.....	35
ПИСЬМО IX.....	40
ПИСЬМО X.....	42
ПИСЬМО XI.....	46
ПИСЬМО XII.....	48
ПИСЬМО XIII.....	51
ПИСЬМО XIV	58

ПИСЬМО XV.....	61
ПИСЬМО XVI.....	65
ПИСЬМО XVII.....	70
ПИСЬМО XVIII.....	73
ПИСЬМО XIX.....	75
ПИСЬМО XX.....	78
ПИСЬМО XXI.....	82
ПИСЬМО XXII.....	85
ПИСЬМО XXIII.....	88
ПИСЬМО XXIV.....	91
ПИСЬМО XXV.....	94
ПИСЬМО XXVI.....	99
ПИСЬМО XXVII.....	102
ПИСЬМО XXVIII.....	109
ПИСЬМО XXIX.....	112
ПИСЬМО XXX.....	115
ПРИБАВЛЕНИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЯ.....	116

ПРЕДИСЛОВИЕ

При вступлении моем на поприще высокославного военного ремесла, как водится, вверен я был молодому, но опытному и строгому в правилах службы солдату Кремневу, который, в дополнение ко многим украшавшим его достоинствам, знал грамоте, что в старину между нижними чинами большою было редкостью, но что, вместе с отличным поведением, непосредственно сообщало Кремневу возможность с успехом приобретать доверенность старших, любовь и уважение равных.

Стараясь каждому по силе возможности услужить, Кремнев был общее всей роты достояние. Он даже и среди трудной службы, при просьбах товарищей, по несколько раз перечитывать получаемые ими от родных письма, с удовольствием составлял ответы, и в проделках сего рода в роте не было равного ему мастера, что и неудивительно! Как малый смешливый, из ежедневных бесед Кремнев знал предшествующую историю каждого героя-новобранца; почему легко угадывал меру привязанности и страсти их к осиротевшим супругам, и никогда не ошибался, расточая нежности к лицу верных и милых сердцу дражайших половинок!

Все влюбленные были от него без памяти; не менее благодарными оставались и ревнивые. Кремнев удачно, решительно и верно, по их мнению, ограничивал личное целомудрие заочною грозой; но приобретая таким образом средства господствовать над понятиями товарищей по сердечной экспедиции, Кремнев умел обращать оные в пользу службы: он назидал нравственность неопытных, производил спасительное влияние на сомнительных солдат, и успехи столь похвальных трудов без меры восхищали доброго Кремнева, всеобщего ротного дядьку, как величали его все без изъятия.

Не имея, кроме Всемогущего Бога и матушки службы, ни в ком решительно подпоры и покрова, как ястреб добычу ловил я полезные уроки, и Кремнев при первой встрече обратился мне в предмет подражания достойный; стараясь же всеми способностями ума и сердца следовать советам, примерам и похвальному его поведению, в непродолжительном времени убедился я в пользе избранного пути полученным мною чином капрала, как плодом спасительных наставлений Кремнева и буквальной покорности моей к благородной воле храброго, умного русского солдата, чем скрепилась вечная между нами дружба, и по сей час за священную мною признаваемая.

Впоследствии обстоятельства службы разлучили меня с Кремневым. Но в век наш, полный слезных превратностей, громких побед и блестящей славы, и самому ленивому из людей, к оружию способных, трудно бы

было избежать встречи с товарищем на кровавых полях битвы за честь и независимость родного края. Незадолго пред отечественной войной славный Кременев, получая увольнение от службы, женился, а в 1812 году мы снова встретились и вместе торжествовали с другом всеобщий европейский праздник¹! От сего-то Кременева получены некоторые письма русских солдат в числе ныне мною издаваемых, вместе с душевным желанием, чтоб каждый, воспользовавшийся уроками моих героев, столь же щедро уплачен был всеблагим Провидением, сколько опокровительствованы оным и Сочинители и Издатель.

Пышная затея нашему брату инвалиду не к лицу, а слава сама собою, вместе с 1812 годом, по закону булата, пороха и мести, без всякой церемонии, неразлучная спутница до гроба всех служивших в роковой год сей, причем хлеба с брюхо, одежды с ношу, мы и довольны, но чистая совесть, душа покойная, безмятежная, к Престолу Вышнего Бога всечасно без трепета предстать готовая, — вот верховное благо на клюке павшего воина, к Вере, Трону и Отечеству священную обязанность без недоимки на чистоту выполнившего, и горе, кто о драгоценностях сих не думал в свое время и кому в час смерти утешительные чувства сии чужды!

Наконец, благосклоннейшую публику, нежную мать и командиршу покорнейше прошу простить недостат-

¹ Падение Наполеона.

кам, в переписку русских солдат вкравшимся. Цель издания сего относится исключительно к пользе солдат; писано оно солдатами, следственно, не на щегольскую руку! Впрочем, стоит приказать: русский солдат ко всему способен и все сделает за словом! Кому неизвестно, что у нас, на святой Руси, во вновь сформированном полку ровнехонько через два месяца является полный оркестр полковой музыки, с тихим и скорым маршами для развода, с экосезом и мазуркою для бала, с бычком и казачком для секретарской вечеринки, и виртуозы, славные дети благословенного Севера, с не заросшей еще военною заметкою, с не прошедшей до сих пор тоскою по родине, кулаком слезы утирают, а лихо играют. Но кстати скажем про товарища.

Имея десять уже вершков роста, питомец поля славы, унтер-офицер Скворцов, читал по складам, а буквами: *«Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых»* писал по линейкам, но о дальнейшем себя просвещении не входило ему в голову.

«Боже упаси! Рассуждать о премудрости! Штык, родимый! В тебе сила моя молодецкая», — думал он и не ошибался; но, вступив однажды в должность фельдфебеля, Скворцову пришлось подать утреннюю рапортничку шефу, которую подписал собственноручно, к довершению пошлого мастерства столь дурным пером, что скромные графы ротного чистописца вместе с цифрами спрятались за церковные литеры, как флейщик за флангового гренадера.

— Чья это подпись? — спросил генерал, развернув рапортчку.

— Моя собственная.

«У нас не поживишься, грамотку-то и мы схватили», — отвечая, думал про себя мой герой, но ошибся.

— Послушай, брат Сквиорцов; уговор лучше денег: не уметь писать такому молодцу стыдно; при отличной службе ты мог бы со временем сделаться человеком, а сей в тебе недостаток вечным будет препятствием, и потому вот тебе месяц срока: чрез тридцать ровно дней ты должен принести мне рапортчку, решительно всю твоею рукою написанную, в противном случае галуны долой и сверх того... понимаешь?

— Понимаю, ваше превосходительство, — сказал Сквиорцов и, сделав при повороте направо-кругом (как водилось) приступ так, что стены заговорили, явился к шефу в назначенное время с возможностью написать рапорт даже и самому царю!

Теперь этот Сквиорцов поет, как будто и взаправская птица, что также вовсе не хитро: при благотворных влияниях молодецкого родного нашего климата успех зависит от доброй воли, желания и трудов; даром ничего не дается: *толицыте, и отверзется; просите, и дастся*. Но чтоб более убедить в способности русских солдат, молвим и еще про товарища, вместе с Сквиорцовым в солдатских казармах курс наук проходившего.

В 1812 году, после знаменитого сражения под Красным, надобно было составить из русской армии русское

известие. Кутузов, призвав к себе Настругова (незадолго пред тем штык на шпагу променявшего), приказал, чтоб известие чрез двадцать четыре часа было готово.

— Помилуйте, ваша светлость! — возопил бедный Настругов, готовый в испуге упасть на колени. — Известие, самоучкою написанное, известит всю Россию о невежестве Настругова и ополчить всех литераторов, которые передадут горькое имя чудака грядущим векам!

— Ни слова больше! — прервал фельдмаршал. — Ступай и пиши! В противном случае я заставлю тебя раскаиваться за упрямство, понимаешь?

— Понимаю! Но за исправность грамматики, воля ваша, решительно не отвечаю, — сказал сквозь слезы жалкий автор; не менее того чрез двадцать четыре часа известие готово, без запятых, конечно, но в этом самоучку винить не должно: ему нужны примеры, а в пользу грамматики их нет в русской армии, которая с бессмертным другом славы, Суворовым¹, при знаках удивительных, но без запятых и даже без вопросительных, перелетала реки, горы, доли и бездонные пропасти, а с батюшкою Белым Царем своим шагнула с одною только тонкою препинания от Вильны до Парижа.

¹ Коснувшись священной памяти Суворова, не могу не вспомнить Кремнева, который, хваля однажды по-своему вдохновенного гения, незабвенного полководца, сказал: «Суворов! Драгоценный подарок от Христа! Он был светлая, солдатская звезда! Всю бы землю съел, которая покрывает Суворова, лишь бы ожил и вспорхнул орел наш поднебесный!»